

«ТРАКТАТНОЕ» УЧЕНИЧЕСТВО ВИТГЕНШТЕЙНА

Годы после публикации *Трактата* Витгенштейна породили множество интерпретаций его основных положений. Со временем наступил некоторый консенсус относительно природы и оснований критики философии Рассела с позиций *Трактата*. Однако недавние исследования по философии логики Рассела показали, что этот консенсус опирается на приписывание ему позиций, которых он не занимал.

Ключевые слова: Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Логико-философский трактат, ранняя аналитическая философия.

Трактат Витгенштейна [1] — в высшей степени сжатая и афористичная работа. Poleмика ни в одном месте не имеет явного характера. Витгенштейн мало что опубликовал при жизни, но оставил целый массив рабочих заметок в виде пророчеств, комментариев и афоризмов. Неудивительно, что годы, прошедшие с момента публикации *Трактата*, породили множество интерпретаций его основных положений. Однако со временем исследователи пришли к некоторому консенсусу относительно природы и оснований критики философии логики и математики Рассела с позиций *Трактата*, этот консенсус и является предметом настоящей статьи. Рассел также оставил огромный объем рабочих материалов, которые пролили совершенно новый свет на философскую эволюцию *Principia Mathematica* Уайтхеда и Рассела (1910 г.). Большая часть литературы, в которой исследуются отношения между философией Рассела и *Трактатом* Витгенштейна, нацелена на выявление отличий доктрин *Трактата* от феноменалистской эпистемологии Рассела в его *Our Knowledge of the External World* (1914 г.) и лекциях по *Логическому атомизму* (1918 г.), где атомизм Рассела представлен как часть определенной эпистемологической программы. Однако роль надлежащего контекста для такого сравнения должны играть технические и философские позиции, предшествующие и поддерживаемые в *Principia Mathematica*. Недавняя работа по философии логики Рассела показывает, что общепринятое мнение о мотивах ее критики со стороны *Трактата* опирается на характеристику позиций Рассела, которые он в действительности не занимал.

Лейтмотив Учителя. Как известно, *Трактат* был впервые опубликован с *Введением* Рассела. Когда его перевели на немецкий язык, Витгенштейн написал, что все тонкости стиля английского языка Рассела были потеряны, а то, что осталось, было лишь поверхностным результатом непонимания

[2]. Вслед за осуждением Витгенштейном *Введения* Рассела возникло и распространилось мнение, что 'фундаментальная идея' *Трактата* о неспособности 'логических констант' что-либо репрезентировать (ЛФТ §4.0312), должна рассматриваться как антитеза взглядам Рассела. Пирс пишет: «Краткий ответ на вопрос об отношениях между взглядами Витгенштейна на логику в *Трактате* и взглядами Рассела ... заключается в том, что они действительно были противоположны друг другу. Рассел считал, что задача логики состоит в том, чтобы представить обзор 'логических объектов', часть из которых являются формами, в то время как другие — реальными аналогами логических связей. Витгенштейн же считал, что логических объектов не существует, ... а логические связи ничего не обозначают в мире» [3, р. 25].

И хотя в ответе Пирса есть доля правды, он вводит нас в крайнюю степень заблуждения, приписывая Расселу утверждение о том, что логические связи обозначают логические объекты. Хакер в своей книге *Wittgenstein's Place in Twentieth Century Philosophy* формулирует это следующим образом: «И Фреге, и Рассел понимали логические связи как имена логических сущностей... Рассел трактовал их как функции именованья от пропозиций к пропозициям. Эта концепция была связана с их идеей о том, что пропозиции являются именами истинностных функций (Фреге) или комплексов (Рассел). Но было бы ужасной ошибкой думать, что „ $p \vee q$ “ имеет ту же логическую форму, что и „ aRb “» [4, р. 28].

Но ужасная ошибка здесь — ошибка самого Хакера. В *Principia* прежняя онтология пропозиций Рассела была *эксплицитно* оставлена; в работе были приняты обозначения ' $\vee$ ' и ' $\sim$ ' в качестве связей утверждений в их современном понимании. Хакер ставит в 'заслугу' Витгенштейну то, что он «... освободился от многих глубоких заблуждений Рассела о роли логических выражений ...» [4, р. 22]. И все

же Рассел не был виновен в этой путанице. К сожалению, подобные искажения 'исторического' Рассела сохранились и в наши дни.

Недавние биографии Рэя Монка прекрасно это иллюстрируют. Витгенштейн начал учиться у Рассела в октябре 1911 года. По словам Монка, он изучал математическую логику с такой энергией, что к концу всего лишь одного семестра обучения Рассел был вынужден сказать, что тот выучил все, чему ему нужно было научиться, и более того продвинулся намного дальше [5, р. 72]. Монк хотел бы, чтобы мы поверили, что Витгенштейн узнал все, что Рассел знал о математической логике, менее чем за год. К январю 1913 г., по утверждению Монка, сотрудничество между ними подошло к концу. «В области логики Витгенштейн перестал быть учеником Рассела, а стал его учителем» [5, р. 72].

Мнение о том, что Витгенштейн стал учителем Рассела, неизменно строится вокруг писем Рассела к леди Оттолайн Моррелл. И во многом оно основано на примерах критических высказываний Витгенштейна о теории суждения Рассела, в основе которой лежала идея множественных отношений, — теории, впервые изложенной в *Principia*, а затем разработанной в рукописи Рассела (1913 г.) для его будущей книги по теории познания. После бурного протеста со стороны Витгенштейна он отказался от своего проекта. И нам известно, как Рассел пишет Оттолайн о том, что критика Витгенштейна «... была событием первостепенной важности в моей жизни и повлияла на все, что я сделал с тех пор. Я видел, что он был прав, и я видел, что я не мог надеяться когда-либо снова сделать фундаментальную работу по философии» [6, р. 267]. Рассел пишет ей об отчаянии, которое его охватывает от одной мысли, что в будущем он не сможет больше когда-либо заниматься фундаментальной умственной работой в философии, о суицидальной депрессии из-за неудачной работы, — чувстве, которое, по его словам, было вызвано утомительными разговорами с раздраженным Витгенштейном, — и Монк хватается за это свидетельство как за доказательство философского и интеллектуального превосходства Витгенштейна.

По правде говоря, должно быть альтернативное объяснение писем к Оттолайн, поскольку неопубликованные рукописи Рассела показывают, что трактовка Монком причин для возражений Витгенштейна против теории множественных отношений Рассела ошибочна. Возражение Витгенштейна якобы заключалось в том, что для исключения бесмыслицы Рассел должен был полагаться на теорию типов *Principia*, — теорию, которую он отвергал: «... вся теория типов, — писал он Расселу, — должна быть уничтожена теорией символизма» [7, р. 121]. Монк описывает это следующим образом: «Такой решительный отказ от его теории требовал от Рассела ее энергичной защиты или, по крайней мере, постановки ряда жестких встречных вопросов о том, как логицистская программа оснований математики может избежать противоречий без теории типов. Но к этому времени он почти полностью отошел от логики» [5, р. 71].

Как это иронично. Ведь, согласно неопубликованным рукописям Рассела, идея о том, что грамматика должна отдавать должное различиям типов, поскольку не может быть разных типов сущностей, является позицией, унаследованной Витгенштейном от Рассела. Предполагая, что Витгенштейн понимал Рассела, его возражение против теории мно-

жественных отношений не могло быть связано с установленными в *Principia* различиями порядка/типа 'пропозициональных функций', поскольку они уже встроены в грамматику (т.е. в сами значимые условия использования предикатных переменных). На самом деле возражение Витгенштейна заключалось в том, что предикатная природа универсалий, в отличие от партикулярий, — это *еще одно* 'типичное' различие, которое *также* должно быть встроено в логическую грамматику. Таким образом, нет ничего странного или озадачивающего в том, что Монк не может обнаружить попыток Рассела обуздать предполагаемый 'решительный отказ' Витгенштейна от теории типов. Такого отказа просто не было. Биографии Монка смешивают личные и эмоциональные потрясения Рассела из-за неудачных отношений с леди Оттолайн и его женой Элис с интеллектуальными проблемами, связанными с его философией. Монк опирается на изложение философии Рассела, которое, хоть и укоренилось во вторичной литературе, но которое быстро меняется в свете изучения неопубликованных рукописей Рассела.

Как же тогда мы объясним признание Рассела леди Оттолайн? Эмоциональная жизнь Рассела в тот период была в полном беспорядке. И она была для него ангелом милосердия, его надеждой на новую любовь, на освобождение от отчаяния и страданий. Оттолайн, однако, сторонилась сентиментальных излишеств Рассела, воспринимая многие его письма как попытку вызвать ее сочувствие и посвятить себя жизни с ним. Расселу тогда был 41 год, и он хотел себе спутницу жизни и детей [8, р. 469]. Оттолайн, женщина с немалым опытом общения с мужчинами, оказала влияние на многих из них, впадших в отчаяние из-за того, что они считали своими профессиональными неудачами. Но она не собиралась бросать свою жизнь с Филлипом Моррелом и дочерью; вскоре она устала от интриг Рассела, имевших целью отдалить ее от них, а также от его сентиментальных намеков о самоубийстве.

Монк с таким явным удовольствием цитирует слова Рассела из разговора с Оттолайн: «Витгенштейн убедил меня, что ранние части *Principia Mathematica* содержат в себе большие неточности, но, к счастью, это его дело — исправить их, не мое» [9, р. 448], — как будто это является свидетельством того, что Рассел признает превосходство Витгенштейна в математической логике и завещает своему ученику решать вопросы оснований математики и логики [5, р. 72]. Монк пишет: «Эти замечания весьма показательны. Они демонстрируют, что Рассел все еще был склонен смотреть на работу Витгенштейна как на своего рода 'тонкую настройку'. Он говорит так, как будто неточности в ранних частях *Principia* затрагивают всего лишь какие-то детали, однако сами эти части содержат тот же фундамент, на котором было построено и все остальное. И Витгенштейн не ремонтировал его, как продолжал думать Рассел, а полностью разрушал» [10, р. 290]. Да, в дневнике Пинсента за август 1913 года действительно записано, что на Витгенштейна была возложена задача «переписать первые одиннадцать глав первого тома *Principia*» [11, р. 180]. Но интерпретация Монка слишком сильно искажает историческую ситуацию. Комментарии, подобные этому, являются частью фольклора, сложившегося вокруг фигуры Витгенштейна, и как таковые они не выдерживают критики.

Шеффер прочитал доклад в Американском математическом обществе 31 декабря 1912 года, в котором показал, что истинностные функции *Principia* могут быть выражены посредством лишь одной логической связки [12]. Получив статью Шеффера 15 апреля 1913 года, Рассел, несомненно, поделился бы ею с Витгенштейном. Действительно, есть свидетельства этого. Рассел прочитал доклад под названием *О материи* в Кембриджском Клубе Моральных наук в апреле 1912 года, и Витгенштейн присутствовал на нем. На последней странице версии статьи Рассела под рабочим заглавием *О материи — постановка проблемы* есть рукописные пометки как самого Рассела, так и Витгенштейна, свидетельствующие о знании последним работы Шеффера [11, р. 160]. Авторитет Рассела как наставника Витгенштейна никоим образом не уронило бы то обстоятельство, если бы он обсудил с Витгенштейном вопрос о том, не может ли он сделать частью своей диссертации (которая требовалась для *Research Student*¹) разработки новой редукции *Principia* *1-5 к штриху Шеффера. На самом деле знаменитая добровольная изоляция Витгенштейна в Норвегии «до тех пор, пока он не решит все проблемы логики» [цит. по: 10, р. 184], не привела к появлению такой редукции, которую нашел Никод в 1916 году² [13]. Во введении ко второму изданию *Principia* Рассел даже рекомендует Шефферу «переписать» ее первые части с помощью штриха [14, р. xv].

Нет никаких сомнений в том, что у Витгенштейна были идеи по улучшению философского основания *Principia*, и что Рассел был ими увлечен. Например, Витгенштейн считал, что надлежащее устранение символа тождества устранил необходимость индивидов в качестве антецедента центральных теорем, касающихся индуктивных кардиналов. Также он отстаивал и экстенционалистскую позицию, согласно которой «функция может проявляться только через ее значения», и предположил, что это позволит избавиться от Принципа Сводимости в *Principia*. Заметим, однако, в самой *Principia* Рассел утверждал, что некоторые формулировки, включающие типовые структуры, должны быть исправлены, и даже выражал надежду, что при дальнейшей работе в этой области аксиома сводимости все же может быть устранена. Он признавал, что остаются философские трудности из-за опоры *Principia* на сводимость, и предлагал всем своим читателям поработать над ними [14, р. vii, xiv, 60]. Тот факт, что Рассел интересовался идеями Витгенштейна по решению философских проблем, оставшихся в *Principia*, не дает оснований для вывода о том, что Рассел стал его «учеником».

Исследование многочисленных заметок Рассела пролило новый свет на его взгляды. Без тщательного рассмотрения этих свидетельств невозможно оценить совпадения или расхождение точек зрения Витгенштейна и Рассела, не говоря уже о том, чтобы заявить вслед за Монком, что Витгенштейн был интеллектуальным «Учителем» Рассела, или согласиться с Хакером в том, что *Трактат* был «невероятным достижением» в философии логики.

Мир Рассела, каким Его нашел Витгенштейн. Необходима новая картина интеллектуальных и философских отношений между Расселом и Витгенштейном. И картина, которую я набросаю ниже, основана на новом анализе исторической эволюции *Principia*, изложенном в моей книге *Russell's Hidden Substitutional Theory* [15].

В течение многих лет *Principia* оценивалось как исследование, которое продвигает идеи онтологической редукции: классы должны отождествляться с определенными пропозициональными функциями (интенциональными атрибутами), пропозиции должны отождествляться с суждениями, натуральные кардинальные числа должны сводиться к классам, порядковые числа должны сводиться к (отождествляться с) классом вполне-упорядоченных экстенциональных отношений и так далее. Точно так же физические континуанты (физические тела) сводятся к пучкам фактических и возможных чувственных данных³. Такое прочтение *Principia*, несомненно, связано с попытками реконструировать философскую систему *Principia* в контексте британского эмпиризма и «логического атомизма» Рассела (1917–1918 гг.). Рассел описал этот метод следующим образом: «При заданном множестве пропозиций, номинально имеющих дело с предполагаемыми выводимыми сущностями, мы наблюдаем свойства, которые требуются от предполагаемых сущностей, чтобы сделать эти пропозиции истинными. С помощью небольшой логической изобретательности мы затем строим некоторую логическую функцию из менее гипотетических сущностей, которая обладает необходимыми свойствами. Этой построенной функцией мы заменяем предполагаемые выводимые сущности и тем самым получаем новую и менее сомнительную интерпретацию рассматриваемой совокупности пропозиций» [16, р. 156; 17, р. 12].

В своей книге *Logical Atomism* (1924 г.) Рассел формулирует это так: «Есть одна очень важная эвристическая максима, применимость которой в математической логике мы с доктором Уайтхедом выявили на собственном опыте, и с тех пор применяли в различных других областях, — и она имеет форму бритвы Оккама. Когда некоторое множество предполагаемых сущностей обладает четкими логическими свойствами, во многих случаях оказывается, что предполагаемые сущности могут быть заменены чисто логическими структурами без изменения каких-либо деталей тела рассматриваемых пропозиций. Это экономно, потому что сущности с четкими логическими свойствами всегда выводимы, и, если пропозиции, в которых они встречаются, можно проинтерпретировать без этого вывода, тогда отсутствует и необходимое основание для него, а это значит, и наша совокупность пропозиций будет защищена от такого сомнительного шага. Принцип может быть сформулирован в следующей форме: «Везде, где это возможно, подставляйте конструкции из известных сущностей вместо выводов к неизвестным сущностям» [18, р. 326; 19, р. 164].

Метод логического конструирования Рассела основывался на замене вывода (или постулирования) новых сущностей онтологической редукцией к сущностям, вроде *sense-data*, и к пропозициональным функциям, которые известны по знакомству.

Действительно, Пирс делает эпистемологический принцип знакомства с *sense-data* частью своего определения логического атомизма Рассела. Он пишет: «'Логический атомизм' — так Рассел называл теорию о том, что существует предел анализа фактуального языка, предел, при котором все предложения будут состоять из слов, обозначающих простые вещи... Его теория познания привела его к утверждению, что единственные известные нам простые партикулярии — это *sense-data*, а единственными простыми качествами и отношениями, которые мы знаем, являются определенные каче-

ства и отношения *sense-data*. Их простые качества и отношения — это такие качества и отношения, с которыми мы должны быть знакомы, чтобы понять обозначающие их слова. Все это определяет характер его логического атомизма. Это версия эмпиризма, и она использует критерий простоты, основанный на острой необходимости изучения значений... Доктрина о вынужденном знакомстве лежит в основе логического атомизма Рассела» [3, р. 63]. По мнению Пирса, Рассел оперирует критерием простоты, который позволяет ему идентифицировать логические атомы как вещи, с которыми мы знакомы, а именно *sense-data* и их свойства [3, р. 68]. Основой атомизма Рассела, с этой точки зрения, является эмпирический принцип знакомства; он принимает *sense-data* в качестве своих логических атомов и предлагает фундаментальное эмпирическое конструирование фактуального языка. В противоположность этому, Пирс характеризует атомизм Витгенштейна совершенно по-другому: Витгенштейна не интересовала эпистемология, ведь он пытался установить 'границы мысли' и логические основания мышления, языка и мира.

Эта популярная характеристика логического атомизма Рассела, а также различий между Расселом и Витгенштейном, совершенно ошибочна. Существование по большей части неопубликованной подстановочной теории Рассела открыло новые свидетельства, касающиеся исторической эволюции *Principia Mathematica*. Чтобы увидеть это, мы должны понять историческую эволюцию *Principia* из подстановочной теории Рассела — теории, которая не может быть проинтерпретирована как онтологическая редукция, но должна быть понята как онтологическая элиминация. Интерпретация *Principia* как предполагающей онтологическую редукцию ошибочна.

Не так хорошо известно, что до *Principia* Рассел на самом деле решал парадоксы классов и атрибутов с помощью своей 'постановочной теории' для пропозиций⁴ [15]. Это не 'теория' типов объектов, а скорее попытка растворить парадоксы посредством элиминативистского онтологического анализа и реконструкции. Источником, который позволил Расселу открыть возможность такой элиминативистской реконструкции, была его доктрина неограниченной переменной. Приверженность Рассела этой доктрине была руководящим принципом, который привел его к созданию конструкций, встраивающих различия типов в формальную грамматику. Это привело Рассела к его 'теории обозначения'⁵, синтаксическому подходу к парадоксам подстановочной теории пропозициональной структуры (1905–1908 гг.), подходу к парадоксам, изложенному в *Principia*, и, как мы увидим, к самому логическому атомизму.

К сожалению, эта доктрина была неправильно понята теми, кто оказался под влиянием характеристики тезисов Фреге и Рассела, данной Жаном ван Хейеноортом, что логика — это язык, который содержит свою собственную метатеорию и семантику [22, р. 324–330]. Ван Хейеноорт был озабочен тем, чтобы зафиксировать отличие концепции логики Фреге и Рассела от подходов Буля и Тарского, которые, по его мнению, можно определить как синтаксическое толкование логики в виде 'не-интерпретированной алгебры' [un-interpreted algebra]. Например, закон ' $a + b = b + a$ ' можно рассматривать как закон арифметического сложения, где a и b служат переменными, пробегающими

над числами; или он может быть интерпретирован как закон объединения с a и b , пробегающими над множествами; или он может быть интерпретирован как логическая дизъюнкция с a и b , интерпретированными как предложения. Аналогичным образом, булевы суммы могут быть интерпретированы как объединения множеств индивидов или как экзистенциальная квантификация над индивидами. Ван Хейеноорт имеет в виду квантификацию, и рассматривает теорию квантификации Фреге как подлинный язык, переменные которого все охватывают. Но это проявление полного непонимания причины, по которой Фреге считал свой *Begriffsschrift* информативным в таком отношении, в каком не может быть информативной алгебра (вместе с ее интерпретациями). Информативность *Begriffsschrift* заключается не в том, что он является подлинным языком, переменные которого все охватывают. То, что делает *Begriffsschrift* Фреге информативным и отличает его от алгебры (вместе с ее интерпретациями), — это принятие принципа постижения [comprehension principle] для функций. *Begriffsschrift* Фреге был не просто теорией квантификации, он позволяет постигать новые функции. В этом суть логицизма Фреге. Функции — это логические сущности, и именно постижение функций обнаруживает, что логические структуры содержатся в том, что в противном случае выглядит как исключительно арифметические принципы. Таким образом, логицизм Фреге предлагает формальное неинтерпретированное исчисление, которое в то же время включает в себя логическое содержание, превосходящее все то, что может быть достигнуто интерпретациями алгебры с фиксированными знаками операций.

Ситуация с Расселом ничем не отличается от этой. Действительно, в *Principia* Уайтхед и Рассел прямо указывают, что они представили формальное исчисление (алгебру) вместе с предполагаемой интерпретацией⁶ [14, р. 115]. Доктрина Рассела о неограниченной переменной не утверждает, что логика содержит свою собственную семантику. В современной терминологии она выглядит так:

*Любое формальное исчисление для чистой логики должно принимать только один стиль переменных для индивидов или сущностей*⁷.

Эту же доктрину яростно отстаивает Куайн [24]. Только индивидные переменные являются частью собственно логического исчисления.

К сожалению, Куайн приходит к выводу, что собственно логическое исчисление должно быть логикой предикатов первого порядка. По мнению Куайна, предикатные переменные, переменные для классов и тому подобное вводятся как часть теорий сущностей (универсалий, классов) вне собственно логики. Переменных легко избежать путем принятия предикатов, имеющих отношение к рассматриваемой теории, — например, у нас есть ' Cx ' для класса, ' $x \in y$ ' для x является членом y , ' Px ' для x является свойством или отношением, экземплификацией предиката и так далее. По сути, Куайн считает, что даже теория типов Рассела терпит неудачу. Вместо специальных переменных для типов Куайн использовал бы ' x имеет тип (o)' и ' x имеет тип ((o))', где применялся бы только x -единый стиль переменной. Но Куайн полностью упускает из виду элиминативизм Рассела. Рассел же стремился разрешить преследующие логицизм парадоксы, найдя элиминативистский анализ, который выявляет логические структуры. Предикат ' x имеет тип (o)' является псевдо-предикатом. Теории типов для сущ-

ностей не существует. Именно структура типов, а не теория типизированных сущностей, должна быть встроена в элиминативистский анализ, изложенный в без-типовом исчислении для логики, которая принимает только один стиль подлинных переменных. Рассел излагает свой метод следующим образом: «... область значимости должна быть каким-то образом задана переменной; это может быть сделано только путем использования переменных, имеющих некоторую внутреннюю структуру, т.е. сущностей определенного логического типа, отличного от типа индивидов. <...> Но тогда мы должны предположить, что единичная буква, такая как *x*, может означать только одного индивида; и это может иметь место только в том случае, если индивиды на самом деле исчерпывают все сущности, а классы и т.д. являются просто *façon de parler*»⁸ [25, р. 206]. По мнению Рассела, логицизм можно спасти от парадоксов, если реконструировать математику в рамках теории 'без атрибутов' (без пропозициональных функций) и 'без классов'. Существуют универсалии (интенциональные свойства и отношения). Действительно, в подстановочной теории знак подковы обозначает логическое отношение 'импликации'. Но логика должна исходить из предположения, что каждая открытая правильно построенная формула охватывает универсалию или класс. Рассел достиг этого в своей подстановочной теории, продемонстрировав, как использование индексированных по типу переменных предикатов (и, следовательно, теории типов экстенциональных классов и отношений) может быть синтаксически восстановлена в подстановочной теории в без-типовой пропозициональной структуре. В синтаксисе теории допускаются только отдельные переменные (без типов). Символьные заместители [proxies] для переменных предикатов с индексами типов восстанавливаются структурами подстановочного языка. Классы не отождествляются с какими-либо сущностями подстановочной онтологии (и онтологически не сводятся к ним).

Временами Рассел говорил о своей трактовке классов так, как если бы она предлагала смысловой анализ утверждений наивной теории классов, показывая, что выражения классов обыденного языка, как и определенные дескрипции, не являются референциальными выражениями. Но, собственно говоря, Рассел выступал за то, что Кун позднее назвал 'двигом парадигмы'. Значительные успехи, достигнутые путем обращения к существованию классов, положительные конструкции Кантора, Дедекинда, Вейерштрасса и Фреге, должны быть сохранены в рамках подстановочности. Как пояснил Рассел, «... принципы математики могут быть изложены в соответствии с теорией» и теория «... избегает всех известных противоречий, сохраняя в то же время почти всю работу Кантора о бесконечном» [25, р. 213]. Результаты, полученные в связи с существованием классов, концептуализируются совершенно по-новому в рамках подстановочного подхода. Будут некоторые потери — какие-то обломки — вроде трансфинитного порядкового числа Кантора ω_ω , однако эта потеря должна нами оцениваться на фоне успехов новых подстановочных конструкций. Подстановочная теория показывает, что логицистская программа Рассела была элиминативизмом, а не онтологически редукционизмом. Это программа структурного реализма.

Данная программа распространяется и на *Principia*, где тоже принимается элиминативистский

подход. Логические частицы теперь являются связками утверждений — онтологии пропозиций больше нет. Классы не сводятся к каким-либо сущностям онтологии *Principia* (и не отождествляются с ними), но структура теории классов, тем не менее, реконструируется. К сожалению, этот момент легко упустить. В подстановочной теории все было ясно. Существуют только индивидуальные переменные. Структуры типов эмулируются путем множественных подстановок сущностей. В *Principia* можно найти предикатные переменные, снабженные индексами порядка/типа, и дискуссии вокруг того, что называется 'пропозициональными функциями'. Рассмотрим следующий отрывок из статьи *Mathematical Logic as Based on the Theory of Types* (1908 г.): «Трудность, с которой сталкиваются попытки ограничить переменную, заключается в том, что ограничения, естественно, выражаются в виде гипотез, что переменная имеет такой-то или такой-то вид и что выраженная таким образом итоговая гипотеза свободна от предполагаемого ограничения. <...> Таким образом, переменная никогда не может быть ограничена определенной областью, если пропозициональная функция, в которую входит переменная, остается значимой, когда переменная находится за пределами этой области. Но если функция перестает быть значимой, когда переменная выходит за пределы определенной области, то переменная *ipso facto* ограничивается этой областью, без необходимости какого-либо явного утверждения об этом. Данный принцип следует иметь в виду при разработке логических типов. <...> [Переменная *внутренне ограничена* областью ее значимости.]» [27, р. 73]. Рассел надеется разрешить парадоксы, преследующие логицизм, путем сравнения структуры в переменные. Конечно, объяснение в *Principia* переменных и их 'внутренних ограничений' не могут нас не озадачивать. Следуя Куайну, естественно интерпретировать предикатные переменные *Principia* объектным образом — как пробегающие над универсалиями (атрибутами, свойствами и интенциональными отношениями). Исходя из этой точки зрения, *Principia* предлагает регламентированную по типу и порядку теорию универсалий [28]. Каждая правильно построенная формула, стратифицированная по типу и порядку, охватывает универсалию. С этим не согласен Бернард Лински. Обращая внимание на некоторые отрывки из *Principia*, он утверждает, что пропозициональная функция отличается от универсалии, и обе они являются подлинными сущностями, несмотря на официальную позицию Рассела, что первая из них является 'логической фикцией' [29, р. 14–40]. Другие исследователи, вслед за Алонзо Чёрчем, также игнорируют отказ *Principia* от пропозиций, утверждая, что пропозициональные функции являются интенциональными сущностями, которые содержат онтологические аналоги кванторов и логических связок, — это сущности, значениями которых являются пропозиции [30; см. также: 31]. На мой взгляд, *Principia* не проводит различия между теми сущностями, которые являются пропозициональными функциями, и теми, которые являются универсалиями. *Principia* не проводит такого различия, потому что не предлагает *теории* интенциональных сущностей, стратифицированных по типу и порядку, называемых 'пропозициональными функциями'. *Principia* была разработана, чтобы показать, как логика может перейти к развитию чистой математики без предположения, что каждая

открытая формула охватывает интенциональную сущность. Рассел пришел к выводу, что парадокс (предикации) показывает, что логика не может предоставить никаких принципов для определения того, какие универсалии существуют.

Предикатные переменные *Principia* имеют индексы порядка/типа, но им придается неформальная номиналистическая семантика. Поэтому они не являются 'подлинными' переменными. Только индивидуальные переменные являются подлинными. Во время написания *Principia* Рассел считал, что (по воле случая) мы знакомы с универсалиями, и рассматривал универсалии как логические сущности, которые (если хотите) существуют необходимо. Универсалии являются частью теории множественных отношений, которая лежит в основе номиналистической семантики для предикатных переменных *Principia*. Но универсалии не являются значениями предикатных переменных системы. Действительно, онтология *Principia* не имеет типов. Индивидуальные переменные *Principia* пробегают по всем сущностям, включая универсалии. В этой работе предпринята попытка переосмыслить разветвленную теорию типов интенциональных сущностей в рамках теории без типов, онтология которой состоит из универсалий, партикулярий и фактов. Короче говоря, от типовых и порядковых индексов предикатных переменных языка *Principia* отделяются как от семантических 'ограничений, встроенных в условия значимости' использования предикатных переменных [подробнее об этом см.: 15]. По мнению Рассела, *Principia* встраивает типы и порядки в логическую грамматику.

Логический атомизм Рассела был именно концепцией философии как элиминативистского анализа, реконцугуализации и реконструкции. Онтология старой теории была заброшена (либо устранена). Восстанавливаются (там, где это возможно) только структуры старой теории. Рассел считал, что знание физики ограничивается структурными и математическими свойствами, а не внутренней природой физических веществ [32, р. 157; 33, р. 264, 287]. В работе *Logical Atomism* Рассел более ясно описывает характер своей программы. Принятый им метод отстаивает форму структурного реализма, поскольку он *сохраняет* только структуры, заданные законами старой онтологической схемы (точно так же, как уравнения Максвелла для электромагнитных волн в эфире сохранены в теории относительности Эйнштейна без эфира). Размах элиминативизма Рассела становится шире, когда в конце 1918 года он принимает форму физикализма, описываемую им как 'нейтральный монизм'. Действительно, понятие 'знакомства' как диадического отношения между разумом и универсалией, или *sense-datum*, столь важное для характеристики Пирсом логического атомизма Рассела, было им оставлено уже в 1918 году. И физическая теория материи (т.е. континуантов, которые сохраняются в пространстве-времени), и психологическая теория состояний сознания (включая знакомство, или 'принятие во внимание' [noticing], как позже это назвал Рассел) были полностью переосмыслены. Только структуры старой теории, а не ее онтология, выжили в новой теории пространственно-временных событий и их взаимосвязей.

И книга Рассела *Philosophy* [32], которой зачастую незаслуженно пренебрегают, делает его приверженность элиминативизму вполне однозначной.

Как только распознаны элиминативистские методы Рассела в подстановочной теории и в *Principia*, возникает новый взгляд на философию Рассела в целом. Метод Рассела включает в себя исследование логической формы, но не в виде 'перечисления' или инвентаризации логических сущностей, схваченных посредством знакомства (или логической интуиции) в сочетании с логическим конструированием. Данная Пирсом логическому атомизму Рассела эмпиристская характеристика и его дистанцированность от атомизма *Трактата* Витгенштейна игнорируют элиминативизм Рассела. Логический атомизм Рассела был программой элиминативистского анализа и реконструкции — философским методом реструктуризации, которая растворяет философские головоломки с помощью онтологической элиминации, которая встраивает логическую структуру в синтаксис (и семантику переменных). Нельзя смешивать, как это делает Пирс, программу логического атомизма Рассела с какой-либо из сформулированных внутри этой программы теоретических конструкций, — будь то теория классов *Principia*, теория суждения с множественными отношениями, сконструированные Расселом в 1914 году физические континуанты из физических *sense-data*, теория знакомства или нейтральный монизм (который отказывается от знакомства как диадического отношения)⁹. Теоретические конструкции приходят и уходят; программа атомизма остается.

Ученик Рассела. Философская программа логического атомизма Рассела состояла в том, чтобы сделать поиск логической формы центральным элементом новой научной философии. Он рассматривал свою программу в качестве примера достижений математиков¹⁰, таких как Фреге [37, р. xv] в отношении понятия кардинального числа, Кантора в отношении понятий бесконечности и непрерывности, Дедекинда в отношении понятия иррациональных чисел и Вейерштрасса в отношении понятия 'предела' функции. Рассел писал: «Непрерывность, пока он [Кантор] не определил ее, была расплывчатым словом, удобным для таких философов, как Гегель, которые хотели внести в математику метафизическую путаницу» [38, р. 829]. Новые конструкции арифметизированного анализа открыли, что именно порядок, а не величина, является основой непрерывности. Аналогичным образом Вейерштрасс отменил использование бесконечно малых величин в исчислении, показав, что старое количественное понятие 'предела' функции — как числа, к которому другие числа в ряду, порожденном функцией, приближаются сколь угодно близко, — должно быть заменено совершенно другим понятием *оргинального* числа. В качестве примеров Рассел приводит метрическую геометрию, очищающую понятия движения и суперпозиции от собственно *метрического* понятия конгруэнтности, и даже пространство-время Эйнштейна. Рассел писал: «Физика, как и чистая математика, тоже дала материал для философии логического анализа. <...> Для философа очень важна в теории относительности замена пространства и времени пространством-временем» [38, р. 833].

Примеры, которые Рассел рассматривал в качестве парадигмальных для теории *логической формы*, показывают, что интерпретации Рассела ошибочно принимали анализ логической формы за анализ *значения*, который раскрывает истинную логическую грамматику *утверждения* [statement], скрывая его вводящей в заблуждение поверхностной грамматикой. Совершенно очевидно, что работы

Вейерштрасса, Кантора, Фреге и Эйнштейна не являются анализом обычных значений таких понятий, как предел, непрерывность, кардинальное число, конгруэнтность или пространство и время. Фундаментальная идея, лежащая в основе науки Рассела о логической форме, не может быть должным образом охарактеризована как идея анализа значения *утверждения*. Это скорее элиминативистский анализ, предполагающий 'сдвиг парадигмы'.

Как известно, физика и химия восемнадцатого и девятнадцатого веков предложили ряд теорий тонких жидкости и эфира, которые весьма успешно объясняли широкий спектр явлений. В процессе изменения данных областей науки исследовательские программы, породившие такие теории, были вытеснены атомистическими физическими теориями, сформулированными в рамках новых исследовательских программ. Эмпирические и концептуальные проблемы, связанные с эфиром (такие как его упругость), были отброшены, и была создана совершенно новая исследовательская программа с новым языком и новым набором эмпирических и концептуальных методов. Многие успехи более ранних теорий эфира были сохранены теориями новой исследовательской программы. Сохранение, однако, может быть лишь частичным; подтвержденные предсказания более ранней теории, которая принадлежит старой исследовательской традиции, не всегда сохраняются в вытесняющей ее новой исследовательской программе. В действительности теоретические процессы и механизмы более ранних теорий иногда рассматриваются как обломки [подробнее об этом см.: 39]. Вытесняющая программа может считать, что термины более ранних теорий лишены референции, или рассматривать более ранние онтологии просто как бесполезные пятое колеса, которые не служат никакой объяснительной цели. Именно в этом смысле Рассел оценивал свою философскую программу как поиск *логической формы*.

Рассел ратовал за 'научный метод в философии', в котором 'высшей максимой всего научного философствования' должно быть следующее: «*Всякий раз, если это возможно, логические конструкции должны заменять выводимые сущности*» [16, р. 155; 17, р. 11]. Теперь мы видим, что высшей максимой является не онтологическая редукция, а элиминативистская реконструкция. «Этот метод, — продолжает Рассел, — столь плодотворный в философии математики, будет в равной степени применим и в философии физик...» [16, р. 156–157; 17, р. 12]. Вдохновенный достижениями в области математики, он утверждал, что «каждая философская проблема, когда она подвергается необходимому анализу и очищению, оказывается на самом деле вовсе не философской, а скорее логической, в том смысле, в котором мы используем это слово» [37, р. 26].

Элиминативизм Рассела раскрывает единство философии логического атомизма Рассела и атомизма *Траката* Витгенштейна. Не следует ограничивать программу логического атомизма Рассела рамками какой-либо конкретной теории, которую он в ней излагает, — будь то построение физических объектов из *sense-data* и *sensibilia*, теория классов *Principia* либо его нейтральный монизм 1920-х годов. Программа атомизма Рассела не была привязана ни к эмпиризму с его *sense-data* в качестве фундаментальных атомов, ни к какой-либо другой конкретной онтологии. Она придерживалась одной только идеальной элиминативистской рекон-

струкции, которая решает философские проблемы и восстанавливает работоспособные структуры ранее отброшенных концептуальных конструкций.

Витгенштейн был протеем Рассела. Он был очарован многочисленными успехами элиминативистской программы Рассела, которая сделала логический анализ с последующим логическим синтезом (конструированием) важнейшей задачей философии. При чтении *Траката* важно иметь в виду, что Витгенштейн *принял* элиминативизм Рассела как часть своей собственной программы. Рассмотрим, например, его обсуждение проблемы Канта о неконгруэнтных подобиях:

Проблема Канта о правой и левой руке, которые не могут совпадать при наложении, существует даже в двухмерном пространстве. Существует она, разумеется, и в одномерном пространстве,

$$\begin{array}{c} \text{--- o --- x --- o ---} \\ a \qquad b \end{array}$$

в котором две конгруэнтные фигуры, *a* и *b*, не могут совпасть, если они не будут вынуты из этого пространства. Правая рука и левая рука на самом деле полностью конгруэнтны. Тот факт, что нельзя добиться их совпадения, не имеет совершенно никакого значения.

Правую перчатку можно было бы надеть на левую руку, если бы ее можно было повернуть в четырехмерном пространстве (ЛФТ §6.36111).

По поводу этого аргумента Роберт Фогелин пишет: «Это один из немногих аргументов в *Тракате*, который кажется мне просто ужасным. Несомненно, очевидно, что центральный пункт Канта заключается в том, что перчатка с правой руки и перчатка с левой руки не могут совпадать в трехмерном пространстве. По этой причине он называет их неконгруэнтными. И здесь не поможет предложение — как это делает Витгенштейн — альтернативного определения конгруэнтности» [40, р. 90]. Фогелин полностью упускает из виду тот факт, что загадочное замечание Витгенштейна просто-напросто взято из обсуждения Расселом этого вопроса в *The Principles of Mathematics* [23, р. 417–418].

Рассел считал знаменитое рассуждение Канта о неконгруэнтных подобиях (т.е. утверждение Канта, что перчатка с правой руки не может совпадать при пространственном наложении с перчаткой левой руки, может служить примером синтетической и необходимой истины) результатом ошибочной подмены собственно метрического понятия конгруэнтности обыденными понятиями наложения и движения, — так, как если бы конгруэнтность предполагала, что должен существовать непрерывный ряд равных фигур, которые движутся сквозь физическое пространство от *A* к *B*. Рассел писал: «Никакое движение не превратит *abcd* в тетраэдр, метрически равный во всех отношениях, но противоположный. В этом факте, однако, на мой взгляд, нет ничего таинственного, — это просто результат того, что мы ограничиваемся тремя измерениями. При одном измерении то же самое можно сказать о равных, но противоположных расстояниях; при двух измерениях — о площадях. Только тем, кто считает движение существенным для понятия метрического равенства, эти право- и левосторонние аспекты создают трудности ...» [23, р. 418]. Фогелин прав в том, что движение и пространственное наложение, безусловно, являются частью обычной концепции *конгруэнтности*, используемой Евклидом, Кантом и другими, но это не имеет отношения к ее переосмыслению (ее новому 'определению')

в рамках новой логицистской исследовательской программы.

Займствование Витгенштейном у Рассела неконгруэнтных подобий Канта говорит само за себя. Но есть еще много примеров. Вслед за Георгом фон Вригтом при обсуждении *Трактата* часто указывают, что Витгенштейн, вероятнее всего, наткнулся на изобразительную теорию при прочтении книги Герца *Principien der Mechanik* (1894 г.) [41]. В предисловии к своей книге Герц предполагает, что физика строит математические модели (*Bilder*) реальности, представляя существенные характеристики физического мира в виде отношений, которые выполняются в данной модели. Витгенштейн говорит, что картина факта должна иметь то же нумерическое многообразие, что и сам факт, Герц же говорит, что система, являющаяся моделью другой системы, должна удовлетворять условию, «согласно которому число координат первой системы равно числу координат второй». Изоморфизм между языковой картиной и фактом сродни, как говорит Витгенштейн, изоморфным отношениям между граммофонной пластинкой, музыкальной идеей, партитурой и звуковыми волнами (ЛФТ §4.014, §4.0141). Аналогичным образом рассуждает и Герц, когда пишет о том, что отношение динамической модели к системе, моделью которой она считается, точно такое же, что и отношение образов, которые наш разум формирует о вещах, к самим этим вещам. Многие сходства просто поразительны [42, р. 100 – 102]. Витгенштейн сам предлагает нам сравнить его собственные комментарии с комментариями Герца о динамических моделях (ЛФТ §4.04). Но то, что в этом случае зачастую упускается, так это важная связь между философией Витгенштейна и целями, которые ставил перед собой Герц в своей работе. Рассел обсуждал работу Герца в *The Principles of Mathematics* и рассматривал ее как пример концептуального анализа. Работая в рамках кинематической теории, охватывающей эфир и уравнения Максвелла для электромагнетизма, Герц предлагает систематическое переосмысление ньютоновской динамики, которая принимает 'время', 'пространство' и 'массу' в качестве фундаментальных и устраняет ньютоновскую силу или энергию, избегая тем самым 'действия на расстоянии'. 'Изобразительная теория' (и понятие динамической модели) была использована Герцем как вспомогательное средство в деле достижения такого переосмысления и не рассматривалась им в качестве *общего* объяснения мышления и репрезентации. Работа Герца предлагает пример элиминативистского подхода к концептуальному анализу. Мнение о том влиянии, которое механика Герца якобы оказала на представленную в *Трактате* Витгенштейна 'изобразительную теорию', действительно, весьма растиражировано, но существует и более глубокое влияние, которое исходит от работ Рассела. Реконструкция Герцем механики без понятия 'силы' является одним из примеров элиминативизма Рассела.

Наука Рассела о логической форме предполагает вытеснение одного языка и онтологии другими, в рамках которых успехи первых были бы сохранены, хотя и полностью переосмыслены. Витгенштейн одобряет элиминативистскую программу Рассела — его поиски логической формы. Восторженный и дерзкий, Витгенштейн утверждал, что совершенство программы Рассела заключается в том, что на ее основе можно в принципе создать *идеальный* язык для науки, в котором все логические (и семан-

тические) понятия *показаны* формальной грамматикой. Философские проблемы и головоломки возникают из-за того, что такие понятия, как 'тождество', 'универсалия', 'партикулярия', 'комплекс', 'факт', 'истина', 'ложь', 'необходимое', 'возможное', 'вера' и не-экстенциональные контексты в целом, рассматриваются нами так, как если бы они были примитивными. Но все логические (и семантические) понятия являются псевдо-понятиями. Рассел начал двигаться по правильному пути, но зашел недостаточно далеко.

Таким образом, наше обсуждение приводит нас к следующему тезису:

Трактат Витгенштейна был руководством по конструктивной критике и предварительным идеям, направленным на совершенствование и завершение элиминативистской программы Рассела для новой философии логической формы.

Я утверждаю, что этот тезис отлично согласуется со знаменитой доктриной показывания в философии Витгенштейна. Можно напомнить, что в письме к Расселу от 19 августа 1919 года Витгенштейн писал, что данная доктрина является 'ключевым тезисом' *Трактата*: «Боюсь, вы в действительности не поняли моего главного утверждения, по отношению к которому вся эта история с пропозициями является только следствием. Главное — это учение о том, что может быть выражено (*gesagt*) пропозициями, т.е. языком (или в той же самой степени всем, что может быть мыслимо), и том, что не может быть выражено пропозициями, а может быть только показано (*gezeigt*); что, я полагаю, является основной проблемой философии» [43, р. 98]. Конечно, *Трактат* устанавливает свою 'фундаментальную идею' в форме утверждения, что логические константы не могут репрезентировать; что не может быть репрезентации логики фактов (ЛФТ §4.0312). Наш тезис является результатом утверждения, что обе эти идеи следует отождествлять. Доктрина показывания как раз и состоит в том, что логические константы ничего не репрезентируют.

Возможность подобного отождествления была в значительной степени упущена¹¹. Нужно понимать, что витгенштейновское понятие 'логических констант' включает в себя гораздо больше, чем связи утверждений, кванторы и знак тождества логики предикатов. Оно включает в себя любое 'формальное понятие', любое понятие, которое имеет логико-семантическое содержание. Тем самым сюда включаются интенциональные контексты, такие как 'необходимость' и 'возможность', и интенциональные контексты, такие как 'знает' и 'верит' (которые связаны с понятиями семантического содержания и представления). Тезисы *Трактата* о композициональности истинностных функций, экстенциональности, изобразительности, независимости (атомарных утверждений) и тому подобные являются прямыми следствиями доктрины показывания. Доктрина Витгенштейна требует, чтобы все логические и семантические понятия (все 'логические константы') являлись псевдо-предикатами, которые должны быть показаны в синтаксисе идеальной теории ее переменными.

На самом деле доктрина показывания есть не что иное, как расширение элиминативистских методов Рассела, которые провозгласили, что решения парадоксов, с которыми сталкивается логизм, должны быть найдены путем построения 'переменных со структурой'. Вспоминая пассажи Рассела о 'встраивании структуры в переменные',

полезно отметить аналогичные замечания в *Трактате*. Витгенштейн писал:

В том смысле, в каком мы говорим о формальных свойствах, мы можем теперь говорить и о формальных понятиях.

(Я ввожу это выражение, чтобы сделать ясной причину смешения формальных понятий с собственно понятиями, которая пронизывает всю старую логику.)

Тот факт, что нечто подводится под формальное понятие, как его объект, не может быть выражен пропозицией. Но это обнаруживается в знаке самого этого объекта. (Имя показывает, что оно обозначает объект, знак числа — что он обозначает число, и так далее.)

Формальные понятия не могут, как собственно понятия, изображаться функцией.

Потому что их признаки, формальные свойства, не выражаются функциями.

Выражение формального свойства есть черта определенного символа.

Знак, обозначающий признак формального понятия, является, следовательно, характерной чертой всех символов, значения которых подводятся под это понятие.

Следовательно, выражение формального понятия есть пропозициональная переменная, в которой постоянным является только эта характерная черта. (ЛФТ §4.126).

Само понятие 'формальное понятие' — это просто понятие понятия, которое имеет логическое или семантическое содержание, а такие понятия являются псевдо-понятиями, содержание которых должно быть показано в структуре переменных (идеальной теории). Витгенштейн продолжает:

Так, имя переменной 'x' есть собственно знак псевдо-понятия *объект*.

Там, где всегда правильно употребляется слово 'объект' ('предмет', 'вещь' и т.д.), оно выражается в логической символической через имена переменных.

Например, в пропозиции 'имеется 2 объекта, которые...' — через '($\exists x, y$)...'

Там же, где оно употребляется иначе, т.е. как собственно понятийное слово, возникают бессмысленные псевдо-пропозиции.

Так, например, нельзя сказать: 'имеются объекты', подобно тому, как говорят 'имеются книги'. И так же нельзя говорить: 'имеется 100 объектов' или 'имеются $\aleph_0$ объектов'.

И вообще бессмысленно говорить о *количестве* всех объектов.

Это же относится и к словам 'комплекс', 'факт', 'функция', 'число' и так далее.

Все они обозначают формальные понятия и изображаются в логической символической переменными, а не функциями или классами (как думали Фреге и Рассел). (ЛФТ §4.1272).

В *Трактате* Витгенштейн делает несколько смелых попыток выстроить элиминативистские конструкции, которые встраивали бы формальные понятия в переменные. Большинство этих попыток содержат немногим больше, чем постулат о том, что конструкции могут быть найдены, — и они не могут служить примером 'честного труда', который Рассел превозносил над 'воровством'. Но они, несомненно, расселовские. Существовала только одна программа логического атомизма, и это был элиминативизм Рассела.

'**Sub Specie Aeternitatis**'. Пирс утверждает, что доктрина показывания — это «сбивающая с толку

доктрина, представленная сбивающим с толку образом» [3, р. 143]. «Если мы попытаемся вывести смысл доктрины и ее обоснование из включаемого Витгенштейном в список того, что можно показать, а не сказать, — говорит Пирс, — мы не получим особой помощи. Ибо список включает в себя такие разрозненные элементы, как существование поименованного объекта (ЛФТ §4.1211, §5.535), тождество мира с моим миром (ЛФТ §5.62) и ценность всего, что имеет ценность (ЛФТ §§6.4 — 6.421) [3, р. 143]. Противники нашего отождествления доктрины показывания с 'фундаментальной идеей' *Трактата* и с расселовским элиминативизмом немедленно ухватятся за обсуждение Витгенштейном солипсизма, Бога, эстетики и ценности в *Трактате*. Действительно, во времена своих ранних попыток опубликовать *Трактат* Витгенштейн писал фон Фикеру, что «суть его книги — этическая» [45, р. 83]. Может показаться, что это представляет собой непреодолимый вызов для нашей интерпретации. Хотя этические истины и кажутся необходимыми, этические понятия определенно не имеют логико-семантического содержания. Но, с точки зрения Витгенштейна, всякая необходимость является логической необходимостью; и есть достаточное число свидетельств того, что Витгенштейн придерживался мысли, что этика и логика — родственные души. В его *Notebooks 1914–1916* мы находим такой комментарий: «Этика не имеет дела с миром. Этика должна быть условием мира, подобно логике» [7, р. 77–77e].

В этой связи стоит отметить, что Рассел очень интересовался Этикой Спинозы. В 1912 году Рассел опубликовал статью под названием *The Essence of Religion* — отрывок из провалившегося книжного проекта под названием *Prisons*, который Рассел написал в 1911 году, в то время, когда его роман с леди Оттолайн Моррелл только начинался. Позвольте мне процитировать набросок Рассела к первой главе:

Религия заключается в единении со вселенной. Раньше единение достигалось путем уподобления вселенной нашему собственному представлению о Благее... мы должны найти такой способ единения, который ничего не требует от мира и зависит исключительно от нас самих...

Моралист делит мир на благой и злой... Но помимо этой дуалистической установки есть и другая, вполне совместимая с ней, монистическая: установка, которая игнорирует различия между добром и злом, и дарит свою любовь всем и в равной мере. В этом суть религии; но, поскольку она не была четко разграничена с точкой зрения моралиста, ошибочно предполагалось, что она требует веры в то, что мир благ... Любое такое требование [чтобы мир соответствовал нашим стандартам] является попыткой навязать Себя миру... Суть религии заключается в единении со вселенной, достигаемом путем подчинения требованиям Я. Это подчинение не является полным, если оно зависит от веры в то, что вселенная удовлетворяет, по крайней мере, некоторые из требований Я [46, р. 140–141].

Личный интерес и субъективность, по мнению Рассела, являются 'тюрьмой', так как они исключают возможность безличного созерцания мира — спинозистскую 'интеллектуальную любовь к Богу' интерпретируемую как отношение, возникающее *при взгляде на мир sub specie aeternitatis* [46, р. 160–161]. Согласно *The Essence of Religion*, 'бесконечное Я' универсально и беспристрастно, и мир

приходит к этому Я через *гармонию* или *согласие* с целым, посредством своего опыта 'мудрости'. Рассел одобрительно называет это 'мистицизмом', хотя и предупреждает, что ошибочно интерпретировать его как 'восприятие новых объектов'. Наоборот, это «другой способ рассмотрения одних и тех же объектов, созерцание более безличное, более широкое, более наполненное любовью, чем фрагментарное, тревожное рассмотрение, которое мы уделяем вещам, когда рассматриваем их лишь как средство помочь либо помешать нашим собственным целям» [47, p. 59].

Конечно же, Рассел сообщал, что Витгенштейн 'ненавидел' *The Essence of Religion*. Рассел писал Оттолайн, что, по мнению Витгенштейна, он «был предателем евангелия точности и бессмысленно использовал слова неопределенным образом; а также то, что такие вещи слишком интимны, чтобы их печатать». Но вопреки биографическим изысканиям Монка [10, p. 280], это вовсе не показывает, что он не соглашался со Спинозизмом Рассела. Совсем наоборот, в своих *Notebooks 1914–1916*, Витгенштейн писал, что «хорошая жизнь — это мир, видимый *sub specie aeternitatis*. <...> Вещь, видимая *sub specie aeternitatis*, есть вещь, видимая вместе со всем логическим пространством» [7, p. 83–83e; ср. с этим также: ЛФТ §6.45]. И добавлял: «Чтобы жить счастливо, я должен быть в согласии с миром. А это ведь и значит 'быть счастливым'» [7, p. 75–75e]. Примечательно, что комментарии Витгенштейна об этике и Боге в *Notebooks 1914–1916* и *Трактате* отражают Спинозистские взгляды Рассела на созерцание фактов мира *sub specie aeternitatis*. Правильная этическая позиция — это гармония или душевное согласие с миром, независимо от того, каковы его факты, и это проявляется в бросающемся в глаза отсутствии каких-либо утверждений относительно того, что является добром, злом или обязательством. Такие утверждения отражали бы дисгармонию Я в отношениях с фактами мира. С этой точки зрения, логически идеальный язык исключает любые этические утверждения — их неспособность быть сформулированными сама по себе показывает, что надлежащая этическая перспектива — это гармония. Комментарий Витгенштейна в письме фон Фикеру о том, что суть его *Трактата* этическая, а также согласие дать¹² этой своей работе Спинозианское название *Tractatus Logico-Philosophicus* отражают его солидарность со Спинозистскими идеями Рассела об этике (равно как и признание их 'совершенства').

Темная сторона радикального элиминативизма. Элиминативизм Рассела стал в руках молодого Витгенштейна доктриной показывания. Но элиминативизм Рассела изначально был умеренным; он освобождал логические понятия и знания о логике от элиминативистского анализа. Витгенштейн надеялся радикально расширить элиминативизм Рассела. На языке логически идеальной научной теории, — языке, в котором анализ логической формы завершен, все логико-семантические понятия (и только они) были бы встроены в логический синтаксис. Наука Рассела о логической форме предполагает вытеснение одного языка и онтологии другим, в рамках которого успехи первого были бы сохранены, но полностью переосмыслены. Никакого замещающего каркаса, конечно же, не существует. Это лишь идеал, предел научного и концептуального анализа, достижимый в принципе. Идея изображения, заимствованная из работы

Герца, должна указать направление, в котором мог бы развиваться полностью завершенный элиминативистский анализ. Для Витгенштейна завершенная структура сама по себе не содержит никакой 'теории' концептуального анализа или концептуального изменения. Труд элиминативистского анализа и его обоснование отбрасываются, как только принимается вытесняющий их научный каркас. Это важно для концепции Витгенштейна, поскольку, согласно требованиям его радикального элиминативизма, все философские проблемы онтологии должны исчезнуть в границах научного исследования.

В свете этих важных связей мы видим, что было бы неверно характеризовать изложенную в *Трактате* философию Витгенштейна как антитезу взглядам Рассела на философию как анализ логической формы. Концепция логической формы Витгенштейна была частью Расселовской идеи элиминативистского анализа, и она не может быть должным образом охарактеризована лишь как объяснение репрезентации в мышлении и языке. Хакер пишет: «Одно глубокое заблуждение прослеживается во введении Рассела [к *Трактату*]: а именно, что Витгенштейн занимался разработкой логически совершенного языка. И это не было тривиальным недоразумением, поскольку целью книги была разработка логико-метафизические условия для любого возможного языка. Это был трактат о сущностной природе любой формы репрезентации — метафизика символизма» [4, p. 69]. Интерпретация Рассела является правильной. Цель *Трактата* — сделать необходимые шаги в направлении Расселовского элиминативистского анализа и реконструкции логико-семантических понятий, используемых в обыденном (и технических) языках.

Конечно, Витгенштейн обращает внимание на обыденный язык, когда пишет, что «нам нужно понять логику нашего языка», и что «все предложения нашего повседневного языка, так, как они есть, находятся в идеальном логическом порядке...» (ЛФТ §5.5563). Эти пассажи были использованы для подтверждения тезиса о том, что Витгенштейн интересовали формальные условия репрезентации в мышлении и в любом возможном языке. Но такие пассажи, как эти, правильно понимаются в контексте сохранения характера элиминативистской программы, которую Витгенштейн разделял с Расселом. Этот характер объясняет, почему Витгенштейн говорит, что нужно понимать логику нашего языка. Ибо успехи старой парадигмы должны быть поняты, переосмыслены и восстановлены в новой парадигме. Новый анализ объясняет, к чему стремилось старое использование выражений, и раскрывает источник его успехов и неудач. Собственно говоря, когда Рассел рассуждает о 'логической форме утверждения', он предполагает вытеснение одной лингвистической структуры (и теории) другой, но так, чтобы сохранить (где это возможно) успехи старой структуры; и благодаря переосмыслению раскрыть источники и решения философских головоломок, порожденных прежней теорией. Так было и с *Трактатом* Витгенштейна. В его намерение входила реконструкция всех логико-семантических понятий. Объяснительные успехи использования таких понятий в обыденном языке (и некоторых технических языках) должны быть сохранены и объяснены в новой исследовательской программе. Именно эта сохраняющая элиминативистский характер форма реконструкции позволяла Витгенштейну говорить о том, что «обыденный язык на-

ходится в совершенном логическом порядке», что «вся философия — это критика языка» и что нам нужно «понять логику нашего языка».

Слишком просто ухватиться за пассажи *Трактата*, которые кажутся противоречащими программе Рассела, эксплуатируя их так, как будто они подымают любой аргумент о том, что Витгенштейн разделял взгляды Рассела относительно логической формы. Доктрины *Трактата* действительно разрушают некоторые из знаменитых конструкций Рассела. Например, с требованием Витгенштейна об экстенциональности исчезают какие-либо основания для контекстуального определения Расселом символов классов. Более того, требование Витгенштейна о том, что предикативная природа универсалии может быть показана только путем удержания предикатных выражений в предикатных позициях, подрывает теорию множественных отношений Рассела (основу рекурсивного определения 'истины' и 'лжи', используемого для философского объяснения иерархии порядков *Principia*) [подробнее об этом см.: 48]. Однако необходимо понимать, что именно потому, что Витгенштейн работал над совершенствованием программы Рассела¹³, Рассел был соблазнен его размышлениями в *Трактате*, хотя они и были неразвитыми¹⁴.

Изложенные Витгенштейном в *Трактате* идеи об истинностных функциях и экстенциональности, его трактовка логической необходимости как тавтологии, его попытка отказаться от логической дедукции в пользу разрешимости, его предположение о том, что тождество является частью квантификации, его изобразительная теория и даже его солипсизм¹⁵, — все это мысли о том, как мог бы выглядеть идеальный вытесняющий элиминативистский язык для эмпирической науки.

Элиминативизм Рассела изначально был умеренным. Он освобождал логические понятия и знания о логике от элиминативистского анализа. Витгенштейн надеялся распространить элиминативизм Рассела на саму логику. Действительно, наиболее важной частью 'усовершенствования' Витгенштейном элиминативистской программы Рассела, хотя Рассел вряд ли мог счесть такую идею жизнеспособной, было то, что знание логики (и семантики) само должно подвергнуться элиминативистской реконструкции. Знание логики, собственно, вовсе и не является *знанием*. Благодаря интерпретации всех логико-семантических понятий как псевдопонятий, Витгенштейн надеялся избежать расселовской опоры на логическую интуицию, которая знакомит нас с такими логическими формами, как 'универсалия', 'партикулярия', 'факт', 'комплекс', 'отрицание', 'дизъюнкция' и 'общность'. С точки зрения Витгенштейна, таких примитивных понятий не существует, и высказанное Расселом в 1913 году предположение о наличии связи логической интуиции (логического знакомства) с логическими объектами, ошибочно¹⁶. Философия, как считал Рассел, является элиминативистским поиском логической формы. Предложенное же Витгенштейном усовершенствование элиминативистской программы Рассела не оставляет места для 'науки' логической формы.

В своем введении к *Трактату* Рассел заметил, что радикальное устранение Витгенштейном всех логических и семантических понятий саморазрушительно. Если все логические и семантические понятия являются псевдопонятиями, тогда философ находится в затруднительном положении, он

не может предложить какой-либо аргумент в пользу элиминативистских конструкций. Строго правильным методом было бы говорить на идеальном элиминативистском языке новой науки и соблюдать молчание, демонстрирующее отказ от использования псевдо-предикатов, которые увековечивают философские головоломки. Это угрожает обрушить элиминативистскую программу исследования логической формы Рассела в мистицизм, чьи 'истины' могут быть переданы только посредством оракула. Рассел не мог согласиться с этим, и во введении к *Трактату* высказал свое несогласие с мистицизмом, в который нас затягивает доктрина показывания¹⁷. Ответом Витгенштейна стала его знаменитая аналогия с отброшенной лестницей, по которой мы уже поднялись. Рассела это не удовлетворило, и такая идея приобрела мало приверженцев. Здесь мы можем вспомнить остроумие Рамсея: «Но то, что мы не можем сказать, мы не можем сказать и также не можем просвистеть» [51, р. 238].

Исследователи Витгенштейна признают, что тезисы *Трактата* об изобразительности, экстенциональности и разрешимости ложны. И тем не менее многие утверждают, что изложенная в *Трактате* критика расселовской концепции логики и философии весьма красноречива. Хакер объявляет *Тракта́т* «колоссальным шагом вперед по сравнению с ... мыслью девятнадцатого века и философскими идеями Фреге и Рассела» [4, р. 34]. Безусловно, современные представления о логике отвергают концепцию Рассела, делая логику ветвью математического изучения формальных систем. Но критика Витгенштейном Рассела не имела к этому никакого отношения, а его собственная концепция логики как невыразимых онтологических 'строительных лесов' мира намного дальше отстоит от современной математической логики и математики, нежели концепция Рассела. История о том, что *Тракта́т* Витгенштейна 'произвел революцию' в философии логики и разрушил философскую программу Рассела, — это просто миф [4, р. 37, 81, 278].

Примечания

¹ Мур, по-видимому, смотрел на ранние заметки по логике Витгенштейна именно в таком ключе [подробнее об этом см.: 11, р. 199].

² Соответствующий доклад был прочитан Никодом перед Кембриджским философским обществом 30 октября 1916 года.

³ Например, как это делается в работе Рассела *Our Knowledge of the External World* (1914 г.).

⁴ Подстановочная теория была заражена парадоксом общих пропозиций, который я называю 'парадоксом p_0/a_0 '. В своей статье *On 'Insolubilia' and Their Solution By Symbolic Logic* (1906 г.) Рассел разрешил этот парадокс, предложив новую подстановочную теорию без онтологии общих пропозиций. Но получившаяся в результате подстановочная система оказалась слишком слабой для получения арифметики. И хотя Рассела некоторое время занимала идея дооснащения оригинальной подстановочной теории порядками общих пропозиций, он отказался от подстановочной теории в пользу *Principia*. В работе *Logicism's 'Insolubilia' and Their Solution by Russell's Substitutional Theory* [20] я предлагаю новые логические аксиомы для получения арифметики с подстановками.

⁵ Подробнее о полемике по поводу происхождения теории определенных дескрипций см.: [21].

⁶ На самом деле они в явном виде задействовали принцип независимости доказательств Хантингтона для аксиом его алгебры классов [14, р. 205].

⁷В *The Principles of Mathematics* Рассела переменные формальной импликации (кванторная теория) объясняются апелляцией к обозначающим понятиям, таким как 'каждый термин', где 'термин' используется как синоним 'логического субъекта', 'сущности' и 'существующей вещи' [being]. Доктрина неограниченной переменной выражается в форме доктрины о том, что 'все, что есть, едино' и 'все, что есть, существует' [23, p. 38, 43, 91, 132].

⁸Текст статьи Рассела *On 'Insolubilia' and Their Solution by Symbolic Logic* под другим заглавием (*Les paradoxes de la logique*) был первоначально опубликован в 1906 году во французском журнале *Revue de Métaphysique et de Morale* [26].

⁹Мнение о том, что расселовский атомизм был привержен эмпиристскому принципу знакомства (как диадического отношения), столь укоренилось, что некоторые авторы даже предполагают, что Рассел, после своего 'обращения' в нейтральный монизм, отказался от логического атомизма [34, p. 7].

¹⁰Рассел пишет об этом в своей статье *Mathematics and the Metaphysicians* [35]. Данная статья впервые была опубликована в 1901 году под заглавием *Recent Work on the Principles of Mathematics* [36].

¹¹Подробнее об этом см. исследование Ричарда МакДонафа *The Argument of the Tractatus* [44]. МакДонаф довольно плохо начинает свой анализ, но конструирует логические константы слишком узко, а потому пыгается вывести основные результаты Трактата из одних лишь истинностных функций.

¹²Корреспонденция показывает, что такое название было предложено Муром [45, p. 97]. Первоначальным названием было *Logische-Philosophische Abhandlung*.

¹³Письмо Витгенштейна к Расселу от 13 марта 1919 года подтверждает мой тезис о том, что *Трактат* был работой в союзе с Расселом. Витгенштейн писал: «Я верю, что наконец-то разрешил наши проблемы. <...> Но это разрушает всю нашу теорию истины, классов, чисел и всего остального» [6, p. 330].

¹⁴Именно с таким настроением Рассел попытался исследовать некоторые идеи Витгенштейна в своем новом предисловии ко второму изданию *Principia* (1925 г.). В яркой элиминативистской манере он набросал реконструкцию, показывающую, как он выразился, «что принцип экстенциональности не является ложным, если его строго интерпретировать, путем анализа таких предложений, как 'А верит в р'». Более того, он показал, что математическая индукция может быть доказана без принципа сводимости *Principia*, путем изменения ее грамматики и принятия экстенционалистской позиции Витгенштейна, согласно которой «функция может входить в пропозиции только через ее значения» [подробнее об этом см.: 49].

¹⁵Его 'солипсизм' предполагает, что идеальный научный язык должен быть воплощен в форме нейтрального монизма, — это тезис, который он обсуждал с Расселом, и который Рассел принял в 1918 году [подробнее об этом см.: 50].

¹⁶В заброшенной в 1913 году книге *Theory of Knowledge* Рассел утверждал, что мы знакомы с логическими формами 'отрицание' и 'дизъюнкция'. Но это не значит сказать, что логические частицы обозначают отношения.

¹⁷Ситуация мало чем отличается от дилеммы, с которой сталкивается элиминативистский материализм. Сами данные о психических состояниях, убеждениях, ощущениях и т.д., которые подлежат объяснению, подрываются элиминативизмом.

Библиографический список

1. Wittgenstein L., *Tractatus Logico-Philosophicus* / trans. from Engl. D. F. Pears, B. F. McGuinness. New York: Routledge & Kegan Paul, 1969. 106 p.
2. Wittgenstein L. Letter to Russell of 6 May 1920 // Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951 / Ed. B. McGuinness. Oxford: Blackwell, 2008. P. 119–120.

3. Pears D. *The False Prison. A Study of the Development of Wittgenstein's Philosophy*. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1987. 202 p.
4. Hacker P. M. S. *Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell, 1996. 346 p.
5. Monk R. *Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius*. New York: The Free Press, 1990. 654 p.
6. Russell B. *Autobiography*. London; New York: Routledge, 2009. 746 p.
7. Wittgenstein L. *Notebooks 1914–1916* / Eds.: G. H. von Wright, G. E. M. Anscombe. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 222 p.
8. Russell B. Letter to Ottoline Morrell, 18 August 1913 // *The Selected Letters of Bertrand Russell*. Vol. 1: *The Private Years 1884–1914* / Ed. N. Griffin. Routledge, 2002. P. 467–470.
9. Russell B. Letter to Morrell, 23 Feb. 1913 // *The Selected Letters of Bertrand Russell*. Vol. 1: *The Private Years 1884–1914* / Ed. N. Griffin. Routledge, 2002. P. 446–449.
10. Monk R. *Bertrand Russell: The Spirit of Solitude, 1872–1921*. New York: Free Press, 1996. 695 p.
11. McGuinness B. *Wittgenstein: A Life*. Young Ludwig 1889–1921. London: Duckworth, 1988. 322 p.
12. Sheffer H. M. A Set of Five Independent Postulates for Boolean Algebras, with Application to Logical Constants // *Transactions of the American Mathematical Society*. 1913. Vol. 14, № 4. P. 481–488. DOI: 10.1090/S0002-9947-1913-1500960-1.
13. Nicod J. G. P. A Reduction in the Number of the Primitive Propositions of Logic // *Proceedings of the Cambridge Philosophical Society*. 1917. Vol. 19. P. 32–41.
14. Whitehead A., Russell B. *Principia Mathematica*. Cambridge: Cambridge University Press, 1963. Vol. 1. 674 p.
15. Landini G. *Russell's Hidden Substitutional Theory*. New York: Oxford University Press, 1998. 337 p.
16. Russell B. *The Relation of Sense-Data to Physics // Mysticism and Logic and Other Essays*. London: George Allen & Unwin, 1918. P. 145–179.
17. Russell B. *The Relation of Sense-Data to Physics // The Philosophy of Logical Atomism and Other Essays 1914–1919* / Ed. J. G. Slater. London: George Allen & Unwin, 1986. P. 3–26.
18. Russell B. *Logical Atomism // Logic and Knowledge: Essays 1901–1950* / Ed. R. C. Marsh. London: George Allen & Unwin, 1968. P. 323–343.
19. Russell B. *Logical Atomism // Essays on Language, Mind and Matter 1919–1926* / Ed. J. G. Slater. London: George Allen & Unwin, 1988. P. 160–179.
20. Landini G. *Logicism's 'Insolubilia' and Their Solution by Russell's Substitutional Theory // One Hundred Years of Russell's Paradox: Mathematics, Logic, Philosophy* / Ed. G. Link. Berlin; New York: De Gruyter, 2004. P. 373–400.
21. Landini G. 'On Denoting' Against Denoting // *Russell: The Journal of Bertrand Russell Archives*. 1998. Vol. 18, № 1. P. 1–96. DOI: 10.15173/russell.v18i1.1929.
22. Heijenoort J. V. *Logic as Calculus and Logic as Language // Synthese*. 1967. Vol. 17, № 1. P. 324–330. DOI: 10.1007/BF00485036.
23. Russell B. *The Principles of Mathematics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1903. Vol. 1. 534 p.
24. Quine W. V. O. *On Carnap's Views on Ontology // The Ways of Paradoxes and Other Essays*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. P. 203–211.
25. Russell B. *On 'Insolubilia' and Their Solution by Symbolic Logic // Essays in Analysis* / Ed. D. Lackey. London: George Allen & Unwin, 1973. P. 190–214.
26. Russell B. *Les paradoxes de la logique // Revue de Métaphysique et de Morale*. 1906. T. 14, № 5. P. 627–650.
27. Russell B. *Mathematical Logic as Based on the Theory of Types // Logic and Knowledge: Essays 1901–1950* / Ed. R. C. Marsh. London: George Allen & Unwin, 1968. P. 59–102.

28. Cocchiarella N. The Development of the Theory of Logical Types and the Notion of a Logical Subject in Russell's Early Philosophy // *Synthese*. 1980. Vol. 45, № 1. P. 71–115. DOI: 10.1007/BF00413987.
29. Linsky B. Russell's Metaphysical Logic. Stanford: Centre for the Study of Language & Information, 1999. 176 p.
30. Goldfarb W. Russell's Reasons for Ramification // *Rereading Russell: Essays in Bertrand Russell's Metaphysics and Epistemology* / Eds.: C. W. Savage, C. A. Anderson. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. P. 24–40.
31. Hylton P. Russell, Idealism and the Emergence of Analytic Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1990. 420 p.
32. Russell B. Philosophy. New York: W. W. Norton & Company, 1927. 307 p.
33. Russell B. The Analysis of Matter. London: Kegan Paul, 1927. 408 p.
34. Tully R. Three Studies of Russell's Neutral Monism // *Russell: The Journal of Bertrand Russell Archives*. 1993. Vol. 13, № 1. P. 5–35. DOI: 10.15173/russell.v13i1.1838.
35. Russell B. Mathematics and the Metaphysicians // *Mysticism and Logic and Other Essays*. London: George Allen & Unwin, 1918. P. 74–96.
36. Russell B. Recent Work on the Principles of Mathematics // *The International Monthly*. 1901. Vol. 4. P. 83–101.
37. Russell B. Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy. London; New York: Routledge, 2009. 210 p.
38. Russell B. A History of Western Philosophy. New York: Simon & Schuster, 1967. 895 p.
39. Laudan L. Progress and Its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth. Berkeley: University of California Press, 1977. 257 p.
40. Fogelin R. Wittgenstein. London; New York: Routledge & Kegan Paul, 1987. 255 p.
41. Hertz H. The Principles of Mechanics: Presented in New Form. New York: Dover, 1956. 271 p.
42. Griffin J. Wittgenstein's Logical Atomism. Seattle: University of Washington Press, 1964. 166 p.
43. Wittgenstein L. Letter to Russell of 19 August 1919 // *Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951* / Eds. B. McGuinness. Oxford: Blackwell, 2008. P. 98–99.
44. McDonough R. The Argument of the Tractatus: Its Relevance to Contemporary Theories of Logic, Language, Mind, and Philosophical Truth. New York: SUNY Press, 1986. 311 p.
45. Wright G. H. Wittgenstein. Oxford: Basil Blackwell, 1981. 218 p.
46. Blackwell K. The Spinozistic Ethics of Bertrand Russell. London: London: George Allen & Unwin, 1985. 262 p.
47. Russell B. The Essence of Religion // *Russell on Religion: Selections from the Writings of Bertrand Russell* / Eds.: L. Greenspan, S. Andersson. London: Routledge, 1999. P. 57–69.
48. Landini G. A New Interpretation of Russell's Multiple-Relations Theory of Judgment // *History and Philosophy of Logic*. 1991. Vol. 12, № 1. P. 37–69. DOI: 10.1080/01445349108837176.
49. Landini G. The *Definability* of the Set of Natural Numbers in the 1925 *Principia Mathematica* // *Journal of Philosophical Logic*. 1996. Vol. 25, № 6. P. 597–615. DOI: 10.1007/BF00265255.
50. Cook J. Wittgenstein's Metaphysics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 350 p.
51. Ramsey F. General Propositions and Causality // *The Foundations of Mathematics* / Ed. R. B. Braithwaite. New York: Harcourt Brace & Company, 1931. P. 237–255.

Сведения о переводчике

ЦЕЛИЩЕВ Виталий Валентинович, доктор философских наук, научный руководитель Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск.

SPIN-код: 2637-3030

AuthorID (РИНЦ): 71719

AuthorID (SCOPUS): 56308362200

ResearcherID: W-5593-2018

Адрес для переписки: leitval@gmail.com

Источник перевода:

Landini G. Wittgenstein's Tractarian Apprenticeship // *Russell: The Journal of Bertrand Russell Studies*. 2003. Vol. 23, no. 2. P. 101–130. DOI: 10.15173/russell.v23i2.2045.

Ссылка на полный текст статьи: <https://mulpress.mcmaster.ca/russelljournal/article/view/2045>

Для цитирования

Ландини Г. «Трактатное» ученичество Витгенштейна = Landini G. Wittgenstein's Tractarian Apprenticeship / пер. с англ. В. В. Целищева // // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 4. С. 115–129. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-115-129.

Статья поступила в редакцию 18.10.2022 г.

© Г. Ландини

WITTGENSTEIN'S TRACTARIAN APPRENTICESHIP

The years since the publication of Wittgenstein's *Tractatus* have produced a good many interpretations of its central tenets. Time has produced something of a consensus concerning the nature of the Tractarian criticisms of Russell's philosophy. Recent work on Russell's philosophy of logic reveals, however, that the agreed account of Tractarian criticisms relies upon characterizing Russell with positions he did not hold.

Keywords: B. Russell, L. Wittgenstein, *Tractatus Logico-Philosophicus*, early analytic philosophy.

References

1. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus* / trans. from Engl. D. F. Pears, B. F. McGuinness. New York: Routledge & Kegan Paul, 1969. 106 p. (In Engl.).
2. Wittgenstein L. Letter to Russell of 6 May 1920 // Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951 / Ed. B. McGuinness. Oxford: Blackwell, 2008. P. 119–120. (In Engl.).
3. Pears D. *The False Prison. A Study of the Development of Wittgenstein's Philosophy*. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1987. 202 p. (In Engl.).
4. Hacker P. M. S. *Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell, 1996. 346 p. (In Engl.).
5. Monk R. *Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius*. New York: The Free Press, 1990. 654 p. (In Engl.).
6. Russell B. *Autobiography*. London; New York: Routledge, 2009. 746 p. (Engl.).
7. Wittgenstein L. *Notebooks 1914–1916* / Eds.: G. H. von Wright, G. E. M. Anscombe. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 222 p. (In Engl.).
8. Russell B. Letter to Ottoline Morrell, 18 August 1913 // *The Selected Letters of Bertrand Russell*. Vol. 1: *The Private Years 1884–1914* / Ed. N. Griffin. Routledge, 2002. P. 467–470. (In Engl.).
9. Russell B. Letter to Morrell, 23 Feb. 1913 // *The Selected Letters of Bertrand Russell*. Vol. 1: *The Private Years 1884–1914* / Ed. N. Griffin. Routledge, 2002. P. 446–449. (In Engl.).
10. Monk R. *Bertrand Russell: The Spirit of Solitude, 1872–1921*. New York: Free Press, 1996. 695 p. (In Engl.).
11. McGuinness B. *Wittgenstein: A Life*. Young Ludwig 1889–1921. London: Duckworth, 1988. 322 p. (In Engl.).
12. Sheffer H. M. A Set of Five Independent Postulates for Boolean Algebras, with Application to Logical Constants // *Transactions of the American Mathematical Society*. 1913. Vol. 14, no. 4. P. 481–488. DOI: 10.1090/S0002-9947-1913-1500960-1. (In Engl.).
13. Nicod J. G. P. A Reduction in the Number of the Primitive Propositions of Logic // *Proceedings of the Cambridge Philosophical Society*. 1917. Vol. 19. P. 32–41. (In Engl.).
14. Whitehead A., Russell B. *Principia Mathematica*. Cambridge: Cambridge University Press, 1963. Vol. 1. 674 p. (In Engl.).
15. Landini G. *Russell's Hidden Substitutional Theory*. New York: Oxford University Press, 1998. 337 p. (In Engl.).
16. Russell B. *The Relation of Sense-Data to Physics // Mysticism and Logic and Other Essays*. London: George Allen & Unwin, 1918. P. 145–179. (In Engl.).
17. Russell B. *The Relation of Sense-Data to Physics // The Philosophy of Logical Atomism and Other Essays 1914–1919* / Ed. J. G. Slater. London: George Allen & Unwin, 1986. P. 3–26. (In Engl.).
18. Russell B. *Logical Atomism // Logic and Knowledge: Essays 1901–1950* / Ed. R. C. Marsh. London: George Allen & Unwin, 1968. P. 323–343. (In Engl.).
19. Russell B. *Logical Atomism // Essays on Language, Mind and Matter 1919–1926* / Ed. J. G. Slater. London: George Allen & Unwin, 1988. P. 160–179. (In Engl.).
20. Landini G. Logicism's 'Insolubilia' and Their Solution by Russell's Substitutional Theory // *One Hundred Years of Russell's Paradox: Mathematics, Logic, Philosophy* / Ed. G. Link. Berlin; New York: De Gruyter, 2004. P. 373–400. (In Engl.).
21. Landini G. 'On Denoting' Against Denoting // *Russell: The Journal of Bertrand Russell Archives*. 1998. Vol. 18, no. 1. P. 1–96. DOI: 10.15173/russell.v18i1.1929. (In Engl.).
22. Heijenoort J. V. *Logic as Calculus and Logic as Language // Synthese*. 1967. Vol. 17, no. 1. P. 324–330. DOI: 10.1007/BF00485036. (In Engl.).
23. Russell B. *The Principles of Mathematics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1903. Vol. 1. 534 p. (In Engl.).
24. Quine W. V. O. *On Carnap's Views on Ontology // The Ways of Paradoxes and Other Essays*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. P. 203–211. (In Engl.).

25. Russell B. On 'Insolubilia' and Their Solution by Symbolic Logic // *Essays in Analysis* / Ed. D. Lackey. London: George Allen & Unwin, 1973. P. 190–214. (In Engl.).
26. Russell B. Les paradoxes de la logique // *Revue de Métaphysique et de Morale*. 1906. T. 14, no. 5. P. 627–650. (In Fr.).
27. Russell B. Mathematical Logic as Based on the Theory of Types // *Logic and Knowledge: Essays 1901–1950* / Ed. R. C. Marsh. London: George Allen & Unwin, 1968. P. 59–102. (In Engl.).
28. Cocchiarella N. The Development of the Theory of Logical Types and the Notion of a Logical Subject in Russell's Early Philosophy // *Synthese*. 1980. Vol. 45, no. 1. P. 71–115. DOI: 10.1007/BF00413987. (In Engl.).
29. Linsky B. *Russell's Metaphysical Logic*. Stanford: Centre for the Study of Language & Information, 1999. 176 p. (In Engl.).
30. Goldfarb W. Russell's Reasons for Ramification // *Rereading Russell: Essays in Bertrand Russell's Metaphysics and Epistemology* / Eds. C. W. Savage, C. A. Anderson. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. P. 24–40. (In Engl.).
31. Hylton P. *Russell, Idealism and the Emergence of Analytic Philosophy*. Oxford: Clarendon Press, 1990. 420 p. (In Engl.).
32. Russell B. *Philosophy*. New York: W. W. Norton & Company, 1927. 307 p. (In Engl.).
33. Russell B. *The Analysis of Matter*. London: Kegan Paul, 1927. 408 p. (In Engl.).
34. Tully R. Three Studies of Russell's Neutral Monism // *Russell: The Journal of Bertrand Russell Archives*. 1993. Vol. 13, no. 1. P. 5–35. DOI: 10.15173/russell.v13i1.1838. (In Engl.).
35. Russell B. *Mathematics and the Metaphysicians // Mysticism and Logic and Other Essays*. London: George Allen & Unwin, 1918. P. 74–96. (In Engl.).
36. Russell B. Recent Work on the Principles of Mathematics // *The International Monthly*. 1901. Vol. 4. P. 83–101. (In Engl.).
37. Russell B. *Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy*. London; New York: Routledge, 2009. 210 p. (In Engl.).
38. Russell B. *A History of Western Philosophy*. New York: Simon & Schuster, 1967. 895 p. (In Engl.).
39. Laudan L. *Progress and Its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth*. Berkeley: University of California Press, 1977. 257 p. (In Engl.).
40. Fogelin R. *Wittgenstein*. London; New York: Routledge & Kegan Paul, 1987. 255 p. (In Engl.).
41. Hertz H. *The Principles of Mechanics: Presented in New Form*. New York: Dover, 1956. 271 p. (In Engl.).
42. Griffin J. *Wittgenstein's Logical Atomism*. Seattle: University of Washington Press, 1964. 166 p. (In Engl.).
43. Wittgenstein L. Letter to Russell of 19 August 1919 // *Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951* / Ed. B. McGuinness. Oxford: Blackwell, 2008. P. 98–99. (In Engl.).
44. McDonough R. *The Argument of the Tractatus: Its Relevance to Contemporary Theories of Logic, Language, Mind, and Philosophical Truth*. New York: SUNY Press, 1986. 311 p. (In Engl.).
45. Wright G. H. *Wittgenstein*. Oxford: Basil Blackwell, 1981. 218 p. (In Engl.).
46. Blackwell K. *The Spinozistic Ethics of Bertrand Russell*. London: London: George Allen & Unwin, 1985. 262 p. (In Engl.).
47. Russell B. *The Essence of Religion // Russell on Religion: Selections from the Writings of Bertrand Russell* / Eds.: L. Greenspan, S. Andersson. London: Routledge, 1999. P. 57–69. (In Engl.).
48. Landini G. A New Interpretation of Russell's Multiple-Relations Theory of Judgment // *History and Philosophy of Logic*. 1991. Vol. 12, no. 1. P. 37–69. DOI: 10.1080/01445349108837176. (In Engl.).
49. Landini G. The *Definability* of the Set of Natural Numbers in the 1925 *Principia Mathematica* // *Journal of Philosophical Logic*. 1996. Vol. 25, no. 6. P. 597–615. DOI: 10.1007/BF00265255. (In Engl.).
50. Cook J. *Wittgenstein's Metaphysics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 350 p. (In Engl.).
51. Ramsey F. *General Propositions and Causality // The Foundations of Mathematics* / Ed. R. B. Braithwaite. New York: Harcourt Brace & Company, 1931. P. 237–255. (In Engl.).

About the translator

TSELISHCHEV Vitaly Valentinovich, Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Scientific Director of Philosophy and Law Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.
 SPIN-code: 2637-3030
 AuthorID (RSCI): 71719
 AuthorID (SCOPUS): 56308362200
 ResearcherID: W-5593-2018
 Correspondence address: leitval@gmail.com

For citations

Landini G. Wittgenstein's Tractarian Apprenticeship / trans. from Engl. V. V. Tselishchev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 4. P. 115–129. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-115-129.

Received October 18, 2022.

© G. Landini